

Урожайный Фестиваль

Татьяна Луталцева

В ужазе только
чижик-пыжик

Татьяна Игоревна Луганцева
В джазе только чижик-пыжик
Серия «Женщина-цунами», книга 43
Серия «Самый веселый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69184987
В джазе только чижик-пыжик: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-150731-2

Аннотация

Чего только не сделаешь ради любимого человека!.. Особенно, если ему грозит реальная опасность, и всё круто замешано на строжайшей государственной тайне. Но на этот раз ради любви потрясающая, великолепная, сногшибательная Яна Цветкова превзошла саму себя.

Да, это роман с фантастическими поворотами сюжета, с любовью, ненавистью, предательством, с настоящей стрельбой, с погонями и схватками не на жизнь, а на смерть.

А казалось бы, так мирно, безоблачно всё начиналось!.. Подумаешь, недельку-другую полежать в элитной психушке, больше похожей на обычный санаторий...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	33
Глава четвертая	46
Глава пятая	54
Глава шестая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Татьяна Луганцева

В джазе только

ЧИЖИК-ПЫЖИК

© Т.И. Луганцева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Татьяна Луганцева

В джазе только
чижик-пыжик

Глава первая

– Парню обязательно надо помочь! Куда он без матери с таким-то диагнозом? – уговаривала Валентина Петровна свою дочь Яну Карловну Цветкову.

– Ну, а я-то тут при чем? Это же сын твоей подруги, ты ему и помогай! – отвечала Яна, нервно затягивая длинные светлые волосы в хвост.

– Ты же знала тетю Клаву! Как ты так можешь? Яна, на тебя же всегда можно положиться!.. – продолжала уговаривать дочку Валентина Петровна.

Яна, конечно, знала тетю Клаву с детства. Они с матерью были не то чтобы подругами, но очень хорошими знакомыми. Тетя Клава пришла к ним в театр на должность актрисы и проработала так полгода, а потом с ней начались странности. Она периодически задумывалась, впадала в странный ступор минут на пять, а также прямо на сцене стала терять память и забывать текст. А это уж совсем никуда не годилось... Сначала коллеги простили, потом напряглись, а после никто уже не хотел выходить с Клавдией на сцену и позориться там с ней или выкручиваться, проявлять смекалку. Особенно если учесть, что артисты в труппе были все возрастные и блистать смекалкой не сильно рвались, – учить там в довесок к своим и чужие роли, чтобы подсказывать по ходу пьесы. Клаву, конечно, было жалко, произошло это с ней,

когда ее беременную бросил сожитель и исчез в неизвестном направлении. Какая женщина не расстроилась бы.

«Но не до такой же степени! Не до сумасшествия! – возмущалась тогда мама Яны. – Мужики этого не стоят!»

Яна знала, что мама у нее – та еще железная леди. Когда-то влюбилась в своего коллегу Ивана Демидовича и, забеременев от него собственной Яной, поняла, что для семейной жизни этот бабник, красавчик и балагур совсем не предназначен. Это ж кем надо быть, чтобы понять такое в состоянии влюбленности? А тут под боком тихий и спокойный плотник, подсобный рабочий сцены с интересным именем Карл. Особенно если учитывать, что работал он с деревом и, к тому же, давно смотрел на приму сцены влюбленными глазами... Валентина и решила, что это будет идеальным вариантом мужа для нее. Главное ведь, чтобы любили ее, а не она. Яну Карл удочерил, воспитывал как свою. Мало того, Яна узнала, что она биологическая дочь другого человека, с кем провела всю закулисную жизнь в играх и забавах, когда ей было уже за сорок. Видимо, это был тот самый возраст, когда от подобных новостей даже легкого шока не испытывают.

Однако вернемся к Клавдии. Из театра ее не уволили, оставили работницей на подхвате. Она рассаживала зрителей в зале, продавала билеты, помогала в буфете... И как-то так втихую лет под сорок Клава родила сына, ну вот совсем не известно от кого. Как ее только ни пытались вывести на откровенный разговор, Клава молчала как партизан

на допросе и лишь загадочно улыбалась, отдаленно напоминая Мону Лизу. Маму Яны такое поведение Клавды раздражало, но даже она, проявляя весь свой артистический дар, не смогла докопаться до правды о рождении сына Клавды, которого та еще и назвала Валериан.

Клавдия частенько приводила его в театр, так как дома не с кем было оставить. Яна знала его плохо, так как был он совсем маленький, а она к тому времени уже окончила институт в своем Волжске и уехала в Москву, где и обосновалась. Но периодически слышала про этого Валериана от мамы, дескать парень растет несколько странноватым. Впрочем, оно и понятно – от яблони апельсины не рождаются. Странная мама, странный сын...

– А что за диагноз? – спросила Яна.

– Хотели шизофрению поставить, но обошлось расстройством аутичного спектра, – понизила голос Валентина Петровна, словно разглашала государственную тайну.

– Прекрасно! Пусть как-то лечится. Я-то тут при чем?! – все еще не понимала Цветкова.

– По доброй воле в больницу он не ложится, как, впрочем, многие люди с расстройствами. А состояние обострилось.

– Мне его очень жалко, но я не психиатр. У меня, конечно, есть связи, могу узнать, как положить его в очень хорошую клинику.

– Яна, ты не думай, что он сумасшедший! Он школьную программу в двенадцать лет освоил и до двадцати пяти лет

имеет три высших образования. Клава не могла оторвать его от учебы, чтения книг, компьютера... Не гулял, никуда не ходил, со сверстниками особо не общался. Люди ведь не любят тех, кто так отличается от них, да и Валериану с нами было неинтересно.

– Понятно, почему он того... – хмыкнула Яна.

– Тебя он знает, помнит, а значит, доверится, будет общаться. Ты – яркая, красивая, сможешь увлечь его, повести за собой! – с каким-то прямо пафосом заговорила Валентина Петровна.

А у Яны сложилась картинка: она в кожанке, в красной косынке и с маузером в руке лезет на баррикады, а за ней маячит какой-то псих. Она даже потрясла головой, чтобы отбросить эти мысли.

– Куда я поведу? Потом не факт, что я произведу на него именно такое положительное впечатление. И где его мама? Почему обеспокоена именно ты? – спросила Яна.

– Так в больнице Клавдия. Очень волнуется за сына, меня просит...

– Ну, а ты что? Тебя-то он больше знает, чем меня.

– Яночка, ты же знаешь! У меня сейчас начинаются гастроли, наши любимые гастроли в Санкт-Петербурге. Я в нескольких постановках в главных ролях...

– А театр для тебя – жизнь? – добавила Яна вопросом.

– Ты же сама все понимаешь!

– А у меня нет работы?

– Ты частенько с нее уезжаешь, и ничего... Ради благо-го-то дела...

– Мой сын у своего отца, – сказала Яна, имея в виду старшего сына Вову от своего третьего и, заодно, четвертого и последнего брака.

Их отношения с Ричардом, занимающимся бизнесом, в свое время напоминали агонию, когда каждый давал дру-гому много шансов, но это ни к чему не приводило. Потом у нее закрутился серьезный роман с князем из Чехии Кар-лом Штольбергом, а Ричард смог найти свое тихое, семейное счастье с женщиной Людмилой, которая родила ему дочь. Но своего сына Вову Ричард никогда не бросал. Отцом он был безупречным, впрочем, как и Люда, очень хорошо отно-сившаяся к детям. Вова полгода жил с матерью, полгода – с отцом. Учился он за границей.

– Вот! Вова пристроен, – с преувеличенной радостью за-кивала Валентина Петровна.

– Вова у меня, матери-ехидны, всегда пристроен. Хоро-шего отца я ему выбрала. А Настю с Евой куда? – спросила Яна у матери, имея в виду своих младших детей.

Страстные отношения с князем Карлом закончились раз-рывом из-за того, что Яна не видела себя его женой, не хотела рожать наследника для старого и почитаемого чешского ро-да и никогда не хотела покинуть Россию. После длительной депрессии из-за расставания с Яной он женился на какой-то девушке, которая родила ему дочь Настю. Поняв, что жить

с ней не будет, не сможет, Карл заплатил ей очень много денег и оставил дочь себе. Единственной женщиной его жизни была Яна, и он снова принялся ее добиваться. Яна даже на какое-то время вернулась к нему, жила с ним и маленькой Настей в его роскошном замке, но не простила и, конечно, окончательно никогда бы к нему не вернулась. И потом этот его поступок по отношению к той мимолетной жене, Настинной маме, которую князь цинично использовал практически как суррогатную мать!.. Это вообще было за гранью добра и зла. Так что вскоре они расстались навсегда.

А в скором времени Яна впервые в жизни по-настоящему влюбилась в потрясающего мужчину по имени Мартин и родила Еву.

Карл Штольберг неожиданно погиб, мама Насти на очень длительный срок попала в тюрьму, и Настя, их маленькая дочка, осталась совершенно одна. Из всех взрослых Настя знала только Яну, которая прошла все круги ада, чтобы удочерить ее. Яну, естественно, обвиняли в корысти, в том, что она желает удочерить не просто девочку Настю, а наследницу огромного состояния, титула и всевозможных привилегий, с ним связанных. Яну как раз все это никак не интересовало. Она согласилась подписать все бумаги, по которым ни на что материальное не претендовала, а просто становилась матерью для Насти, которая во все свои права и владения вступит лишь с наступлением совершеннолетия и станет чешской принцессой, княжной, продолжательницей старинного

рода Штольбергов. А ее приемная мать, то есть Яна, может пользоваться всеми этими вкусняшками, жить в замке, тратить содержание Карла Штольберга, выделенное в большом количестве на дочь и Яну. Он ведь успел и завещание составить. А вот продавать что-либо из доставшегося наследства и передавать третьим лицам она, по настоянию чешских властей, не может. Яна с радостью подписала бы что угодно, лишь бы Настя уже осталась с ней. Так и получилось. Насте семь лет. Еве годик с небольшим.

– Ты же знаешь, что Агриппина Павловна и няня вполне справятся, посидят с девочками, приглядят, – сказала Валентина Петровна.

Иногда Яна просто поражалась наивности своей матери.

– Понятно, что моя Агриппина Павловна, моя любимая и единственная домоправительница, сделает для меня все. Она помогла... Да что там! Вырастила Вову! Давай теперь навалю на нее еще и моих девочек!

– Яночка, ну, это пару недель, ну, месяц!..

– Месяц? – округлила свои большие голубые глаза Яна. – Ты серьезно? Ты со мной не сидела! Многие так делают, и родителей не винят. Они дорастают до ума и истинного материнства только на внуках и отдают тот долг, что до конца не смогли отдать на детях. А ты? Бабушка! Нет, ты не хочешь посидеть с внуками, ты у меня звезда и актриса до конца! До гробовой доски! – пафосно закончила она.

Валентина Петровна правой рукой изобразила какой-то

нервный тик и молча вышла из комнаты. Яна закатила глаза, понимая, чем все это грозит.

– Мама! Ну, постой! Куда ты?

Она поволоклась за матерью в кухню, где и нашла ее, тихую, сгорбленную, маленькую, протирающую марлей, смоченной водой и, явно, своими горькими слезами, жирные колючие листья алоэ. Периодически она морщилась от укулов растения, но продолжала мучиться.

– Мама, прекрати!

– Ты не любишь меня.

– Люблю.

– Я многого тебе недодала.

– Ты дала даже больше, чем мне надо было.

– Издеваешься? – хмыкнула Валентина Петровна.

– Немного... Я понимаю, что это такое – уйти с роли в театре, уйти совсем. Извини, я понимаю.

– Правда? – обрадовалась Валентина Петровна. – У меня есть шанс стать хорошей бабушкой?

– Скорее, бабушкой-праздником! Девочки тебя обожают. Всегда рады, – успокоила ее Яна.

– Яна, ну, у них, у Евы, есть и другая бабушка... И отец! Мотается в Москву каждые выходные, туда-сюда, словно маятник. Долго ты над мужиком издеваться будешь?

– Не знаю, мама... Перегорела как-то... Я так полюбила его, впервые захотела выйти замуж сама, по доброй воле. И, получив это предложение после рождения дочери, воспри-

няла как то, что он делает это исключительно из-за нее, – пояснила Яна.

– Дурочка ты. Он что, до Евы тебе предложения не делал? – спросила мама, прищулив глаза.

– Делал. И не раз, вроде... – отвернулась Яна.

– Ну, так?!

– Не знаю, все время что-то мешало. Что ты, не помнишь, что ли? Наши с ним отношения кого хочешь сломают. А я тебе что? Железная?

– Ты разлюбила Мартина? – Валентина Петровна мгновенно поменяла образ сломленной и обиженной женщины на женщину непонимающую и возмущающуюся совершенно искренне.

– Нет, конечно! Я – счастливый человек, я нашла свою половинку. Я всегда буду любить его, – ответила Яна.

– Ну, так... Мартин только рад будет Еве.

– Мама! Он рад будет и Насте! Он не разделяет девочек. Сестры – значит, сестры. Это человек широкой души и большого сердца. Он никогда даже мне не говорил о том, что против удочерения или еще чего-то. Это было мое решение и его полное принятие.

– А ведь девочки даже не сестры, – задумалась Валентина Петровна. – Родители Насти – твой бывший любовник Карл и не очень хорошая женщина, а Евы – ты и Мартин...

– Только им не надо об этом говорить. Когда я жила с Карлом, Настя так сильно привязалась ко мне, что иначе как ма-

ма меня и не называла. И когда Карл погиб, я что должна была сделать? Бросить ее? Да я относилась к ней как к дочери. Она единственной моей отдушиной была в том замке, – ответила Яна, опуская тот момент, который Валентина Петровна и так знала.

Карл Штольберг в борьбе за Яну применил не очень честный прием, и она была вынуждена находиться с ним рядом.

– Я-то не против. Настя – очень милый ребенок, и я вижу, что ты любишь ее...

– И семья Мартина, а это он и его мама, подруга твоя Стефания Сергеевна, тоже это понимают и очень любят Настю. Хорошо, я попрошу Мартина и Стефанию посидеть с девочками пару недель. А что я им скажу? Где я буду это время?

– Стефания так рада будет общению с внучкой, что никаких лишних вопросов тебе не задаст. Чем на дольше ей оставишь, тем лучше.

– Она-то да, а вот Мартин, с его ревностью, вполне может поинтересоваться.

– Скажешь, что легла на пластическую операцию, – предложила Валентина Петровна.

– Не поверит, он знает, как я к этому отношусь. Или отговаривать начнет.

– Скажи, что летишь на какой-нибудь стоматологический симпозиум.

– Также особо не летала. У меня врачи все опытные, все с сертификатами, займутся о повышении своей квалифика-

ции, а я давно не стою, если так можно выразиться, у станка.
Чего мне вдруг куда-то лететь?

– Не знаю, Яна! Придумай что-нибудь! Ну, не говорить же ему правду, что ты полежишь немного в психушке?

– Что?! – переспросила Яна.

Глава вторая

Не любила Яна вспоминать тот разговор с матерью, потому что дальнейшие события развивались не совсем так, как ей хотелось. Сама она предпочла бы, чтобы Валентина Петровна обошла ее с этой просьбой стороной или просто каким-то волшебным образом отстала бы. Но мама прямо клещом в нее вцепилась. Она это умела! И все ведь вышло так, как мама и хотела.

Яна осмотрелась. Светлые обои в легкую голубую и салатную полоски, дешевый, лаконичный светильник на потолке, одиночное бра на стене. Односпальная, строго застеленная кровать, тумбочка возле нее, узкий шкаф для одежды, маленькая раковина с небольшим круглым зеркалом над ней и стол со стулом, – вот вся скудная обстановка, окружающая ее на данный момент. Яна – женщина за сорок, высокая и очень худая, такая, что ремень, опоясывающий ее талию в сорок пять сантиметров, норовил сползти по узким бедрам к ее длинным ногам с очень красивыми икрами и тонкими щиколотками, – смотрела в окно. В ее больших голубых глазах отражались замысловатые узоры. Это были скудного дизайна решетки на окнах.

Нет, ее не пронесло. Она находилась в психушке, частной, дорогой, анонимной, но психушке.

«Как я так могла опять попасться? – не понимала Яна. –

Ну, с возрастом должна же появиться мудрость? Какой-то жизненный опыт... Хотя, что это я! Жизненный опыт орал во все горло! Чтобы я всех послала и продолжила жить. Нет! Этап первый. Знакомство с Валерианом».

Яна, наспех накинув белый халат, выскочила из своей клиники «Белоснежка» и добежала до ближайшего кафе. Там ее ждала уже мама в компании молодого человека.

– А вот и Яна! Спасибо, что не опоздала надолго! Познакомься, это – Валериан. Это – Яна. Некоторое время вы проведете вместе, отдыхая в одном из лучших санаториев и избавляясь от своих проблем, – произнесла Валентина Петровна, подавая Яне тайные знаки, чтобы она начала ей подыгрывать. – Поэтому вам надо подружиться...

Яна слегка искривила свой милый рот в улыбке и покосилась на Валериана. Это был, ну, очень молодой человек – выше нее, худощавого телосложения, с подвижным лицом и очень выразительными большими карими глазами. Светлые волосы топорщились коротким ежиком.

– Привет! Я тебя помню! Мы с тобой вместе прятались за кулисами и подкладывали жвачки в туфли артистам. Помнишь? – весело спросила Яна.

Парень осмотрел ее с ног до головы.

– Извините... Выглядите вы, конечно, хорошо, молодо. Но у нас какая разница в возрасте? Лет двадцать? Что-то не припомню я, чтобы мы вместе кому-то что-то подклады-

вали...

– Приятное начало, – ответила Яна бесцветным голосом. – Конечно! Я могла бы быть твоей матерью и сейчас совсем старая.

– Успокойтесь, ребята! Вы что? Никто не говорит, что вы дружили, но несколько раз вы виделись, – встала между ними Валентина Петровна, поняв, что Валериан с первых минут знакомства допустил грубейшую ошибку – указал женщине на ее возраст.

– Не помню я, – надулся Валериан.

– Я тоже не особо, – ответила Яна, обращаясь к матери: – А я тебе говорила! Какой контакт? Он меня не помнит, я – его!

– Яна, успокойся! Валерьянчик, – обратилась она к парню, – Яна – моя дочка, понимаешь? Твоя мама – моя подруга. Мы не хотим тебе зла. Ты должен с Яной нормально общаться, без негатива и агрессии. Впрочем, как и она...

– Я как-то вырос с понятием, что никому ничего не должен... – хмуро ответил парень.

– Даже если это тебе не нравится, – добавила Валентина Петровна с нажимом, – ты едешь в санаторий! Тебе надо немного подлечиться, успокоиться.

– А Яна будет моим надсмотрщиком? – чересчур прямолинейно уточнил Валериан.

– Почему? Напарницей! Она тоже ляжет подлечиться, и заодно вот вы вместе... Все не один! – уговаривала парня

Валентина Петровна.

Следующий разговор состоялся уже в вагоне СВ поезда Москва – Санкт-Петербург.

– Дорогие места, – отметил Валериан.

– Любишь экономить? Нас двое, купе на двоих. Чего непонятного? Зачем нам чужие люди в купе? Мы же с тобой знакомые, должны держаться вместе, – захрустела яблоком Яна. – Выпить хочешь? За дорогу.

– Не пью, – ответил парень.

– Это вот плохо. Мне что теперь, и выпить будет не с кем?

– А это для вас проблема? – спросил Валериан.

– Еще какая! Я вообще пьющая! – подмигнула ему Яна. – Может, я и лечиться от этого буду! – Она выложила на столик запасы еды, выставила бутылку шампанского и пластиковые стаканчики. – Налетай!

Парень взял бутылку и открыл ее достаточно быстро и легко.

– Ого! А говоришь, не пьющий. Откуда навык?

– Чего тут уметь? Навык чисто в открытии, для девушек открывал на свиданиях, – как бы оправдался Валериан.

– И много их было?

– Средне...

– И свидания доходили до логического завершения? Извини, очень личный вопрос. Можешь не отвечать.

– Спасибо и на этом.

– Нет, просто если девушка сидит, пьет шампанское, а молодой человек напротив трезвый сидит, как стекло... Так ведь они неизбежно начинают существовать в параллельных реальностях. Да и много мне – целая бутылка.

– Ладно, немного выпью за знакомство, – сдался Валериан, не захотевший существовать с Яной в параллельных реальностях, потому что и без этого смотрел на нее с подозрением.

– Видишь! Уже исправляешься! И хватит говорить мне «вы». Давай на «ты». Так комфортнее.

– Попробую.

Яна сбросила сабо и уселась на своей полке напротив Валериана в позе лотоса, с легкостью скрестив ноги.

– Так люблю путешествовать по железной дороге!.. Стук колес, укачивание, виды в окне... И самое главное – ты на земле. Если честно, боюсь летать.

– А плавать?

– Издеваешься? Плавать не боюсь, хотя сама плавать не умею. Но от Москвы до Питера как мы поплывем? Только любимая железная дорога. А ты? Ты чего-то боишься? Или не так спрошу. От чего собрался лечиться?

Валериан посмотрел на нее большими карими глазами.

– Ты мне тоже не ответила на этот вопрос.

– Мужчины вперед!

– Есть у меня одна особенность... – Валериан огляделся по сторонам, словно в купе мог быть кто-то еще, кроме них. –

Налей еще шампанского.

– Ты скрытый алкоголик? – догадалась Яна, но шампанское налила. – Вообще-то наливает мужчина.

– Учту. Извини! Иногда на меня нападает такой приступ немотивированной агрессии, которую я в себе гашу, и она переходит в сильную тревогу, почти в панику.

– Знаешь, ты вот прямо рассказал мне про мое утро. Я почти до обеда все эти эмоции испытываю...

Яна оторвала от копченого цыпленка крылышко и захрустела.

– И еще, – добавил Валериан почти шепотом, – бывает, мне кажется, что за мной следят. Это всё.

Яна закатила глаза.

– Нервы... Да, нервы. Ну ничего, подлечишься, и все будет хорошо.

– Теперь твоя очередь.

– Моя? – словно невинный ребенок, округлила свои огромные голубые глаза Яна.

– С чем ты ложишься лечиться?

– Извини... Ну, я это... Я, ну, как... – искала Яна подходящую причину. – Вот – от боязни летать! – радостно нашла она.

– И это все?! – удивился Валериан.

– Мало? Говорят, это очень плохо лечится.

– У меня и немотивированность, и страхи, и паника, и магия преследования... А у тебя – боязнь летать самолетами?

Это несправедливо! – не согласился парень.

– Считаешь, маловато? – обеспокоилась Яна. – Надо что-то еще накинуть? Что же, что же... Сексуальное расстройство!.. – внезапно даже для себя предположила Яна.

Валериан округлил глаза.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, но на сексуальную маньячку ты не похожа. И я бы с таким признанием не рисковал. Еще не известно, какие методы лечения там практикуют при таком диагнозе.

– Точно! Ты – гений! Что же еще? Может, что вот я старею и схожу с ума. Хочу выглядеть пятнадцатилетней! Это же у многих женщин наблюдается?! – предположила Яна. – Я и заплакать могу вполне правдоподобно.

– Такие женщины обычно все время что-то делают с собой, что-то колют в лицо, в губы, увеличивают части тела, превращая себя в трансформеров, и ходят потом с мертвыми, анемичными лицами. Нет в тебе этого.

– Много ты понимаешь! Я тоже колола себе ботокс. Один раз. От морщин. Правда, деньги мне потом вернули – эффекта не было. Сказали, что меня даже ботокс не берет, – засмеялась Яна. – Хорошо, это не подойдет...

– Предлагаю анорексию, – сказал Валериан. – Ты очень худая. Гни эту линию. Мол, переживаю. У тебя, кстати, муж есть?

– Нет, – ответила Цветкова.

– Вот! Жми на это, мол, нет счастья в личной жизни.

Нервничаю, плохо сплю, есть не могу, худею.

Яна внимательно слушала его.

– Ты серьезно? Я всегда такая была. Думаешь, реально это тянет на заболевание? – забеспокоилась она.

– У тебя сколько родов за плечами? – вопросом на вопрос ответил Валериан. – В смысле, детей?

– Рожала дважды, детей трое. А что? – не поняла Яна, куда он клонит.

– Интересен уже ответ, но не суть. Двое родов, и ты не располнела?

– Как видишь.

– Ну, это же ненормально! Ладно, после первых, но уже со вторыми родами точно должна была, – заверил ее Валериан.

– Думаешь? Нет, ты говоришь, как моя подруга Ася! Но люди-то все разные. Беременности у меня были тяжелые, я всегда худела. Какой там набор веса! – отмахнулась Яна.

– Но ты выглядишь так, что можно работать в этом направлении. Еще бы белой пудры на лицо, темные тени под глазами...

– Да ты еще и стилист!.. – хмыкнула Цветкова. – Сам-то как будешь закладываться? Доказывать свое расстройство? Отстреливаться от предполагаемой слезки невидимым пистолетом? – спросила Яна.

– Обиделась? – встрепенулся Валериан. – Я не хотел. Ты спросила, что бы я посоветовал, ну, я и посоветовал.

Яна отвернулась к окну, хмуро сдвинув брови, и только сейчас заметила, что на улице стемнело.

– Спать надо ложиться.

– Мы не допили и не доели, – отметил Валериан.

– Это, конечно, меняет дело, – вздохнула Яна и начала нервно чистить мандарин. – С тобой не поспоришь. Давай доедим и допьем.

Валериан схватил бутылку и разлил остатки шампанского в пластиковые стаканчики, но похвалы от Яны, мол, исправляется, не дождался, потому что в их купе постучали. Парень дернулся, словно его ударили током, сжался и тихо прошептал:

– Не открывай!

– Ты что? – растерялась она. – Мы же не у себя дома.

– Билеты у нас на входе проверяли. Не открывай! – снова попросил Валериан, заметно бледнея.

– Извини, – ответила Яна, отодвигая дверь купе в сторону.

А парень действительно страдает манией преследования.

Перед ними возникла высокая и полноватая женщина в форме проводника с пергидрольными волосами и несколько кривовато накрашенными ярко-малиновыми губами.

– Извините, что помешала, – несколько смущенно сказала она, – у меня очень такая информация... Туалет у нас био, туалетную бумагу туда не бросать.

– Мы в курсе, – ответила Яна.

– Титан горячий, у проводников можно взять чай, кофе,

печенье, шоколадки... Всё включено в стоимость билетов. Чай в фирменных подстаканниках, – продолжила женщина, цепким взглядом ощупывая купе.

– Хорошо, мы учтем, – снова совершенно спокойно ответила Яна.

– И последний вопрос. Вы до конечной? В смысле, будить где-нибудь в Бологом вас не надо? – спросила проводница.

– До Питера мы, сами встанем, – заверила ее Яна, и проводница отступила, дав закрыть дверь.

– Странная она какая-то!.. – тут же подал голос Валериан.

– Чем? По-моему, обычная, – вернулась на свое место Яна.

– Высматривала тут все. Ты заметила?

– Работа у нее такая. Может, пыталась понять, кто мы друг другу? Мать и сын или любовники?

– Зачем? – не понял парень. – И так понятно, что... никто.

– Во-первых, ничего не понятно, во-вторых, плохо ты знаешь женщин. Их именно такие вещи и возбуждают, и интересуют. А уж когда такая разница в возрасте, то и подавно. Прекрати паниковать! Это – нормальная практика. Продолжаем вкушать яства, – предложила Яна.

– Любишь поесть? – уточнил Валериан.

– Да, несмотря на анорексию, – хохотнула Яна. – Я и мучное, и сладкое тоннами могу поглощать – и ничего. Обмен веществ у нас такой, то есть у меня.

– Подруги, наверное, ненавидят, – прищурился парень.

– Не знаю, не спрашивала. Может, где-то в глубине души и завидуют, и ненавидят. Тебе легче?

– Мне-то что, – хмыкнул Валериан.

– У тебя щеки порозовели, наверное, шампанское подействовало, – отметила Яна. – Ой! А это остановка. Неужели Тверь? Потом спать ляжем. Выйдем на перрон? – предложила она.

– Зачем? Мне и здесь хорошо.

– Да ты что! Подышать воздухом. Да и минералку я хочу купить, на платформе всегда продают.

– В купе останусь.

– Тебе что купить? – спросила Яна, засовывая ноги в сабо.

– Нет, по-моему, у нас все есть, – ответил Валериан.

Яна вышла из купе, закрыв за собой дверь. На перроне суетились люди. Многие были в шортах, в смешных, вытянутых на коленках трениках. Яна смешалась с толпой. Люди покупали чипсы, орешки, воду. Яна встала в небольшую очередь в одну из палаток и посмотрела вдоль перрона. Одна колоритная фигура ее весьма заинтересовала.

Минуты через две, уже с бутылкой минеральной воды, она подошла к проводнице, стоящей у их вагона и уже тревожно поглядывающей по сторонам, выискивая глазами своих пассажиров, словно утка своих утят. Взгляд проводницы остановился на высокой, стройной женщине в вишневой футболке и узких джинсах. На ногах красовались красные сабо на каблуках, а на привлекательных губах алела яркая

помада Длинные светлые волосы были скручены в небрежный хвост.

– Вы у нас билеты проверяли, вы наша проводница? – спросила Яна.

– Я помню, – улыбнулась проводница. – Вы едете с молодым человеком в третьем купе.

– Даже купе помните? – удивилась Яна.

– Это профессиональное, – засмеялась проводница.

– И в людях разбираетесь? – спросила Яна.

– Ну, так, видите... – несколько смутилась проводница.

– А вот та женщина, высокая такая большая блондинка, ваша коллега, – указала Яна в направлении хвоста состава. – Она что, бригадир поезда?

Проводница прищурила глаза, как делают несколько близорукие люди.

– Это Люська. Какой она бригадир? В вагоне-ресторане работает, – ответила проводница.

– Да вы что? – удивилась Яна очень искренне. – А...

– Извините, девушка, пора подниматься в вагон! Отправляемся, – поторопила проводница, пропуская ее в вагон.

Валериан вздрогнул, когда она резко открыла дверь купе.

– А, это ты...

Яна поставила бутылку с водой на столик и села. Взгляд у нее был отсутствующий, вид весьма растерянный.

– Что случилось, Яна? На тебе лица нет! – забеспокоился

парень.

– А? Да нет... Все хорошо.

– Точно никто не обидел? – спросил Валериан.

– Меня? Да что ты!.. От тебя заразилась, наверное.

– Чем?!

– Манией преследования, – вздохнула Яна, свернулась калачиком и уставилась в темное небо в окне. – Ложись спать.

– А ты?

– Я тоже... скоро.

– Нет, что-то явно случилось... – Валериан присел с ней рядом и взял ее руку в свои горячие ладони. – Чем тебя развеселить? Хочешь, сходим в вагон-ресторан?

Глаза Яны загорелись.

– Правда? А ты пойдешь со мной?! Я, когда нервничаю, сладкого хочу!

– Конечно, пойду. Куда я тебя одну брошу?

– Тогда пошли! – встрепенулась Яна. – Это даже очень хорошо!

Она посмотрела на себя в зеркало, быстро причесалась.

– Деньги не бери, я заплачу, – встал Валериан, приглаживая свои темные волосы растопыренной пятерней.

– Да ладно?! Богатый, что ли? Тетя Клава получает немного.

– А при чем тут мать? Мне двадцать пять лет, я сам зарабатываю. И не мало!..

Они вышли из купе и дошли до купе проводницы, которая

сидела чем-то очень расстроенная.

– Извините, – обратилась к ней Яна, – это вот снова я. Мы решили сходить в вагон-ресторан, закройте своим ключом наше купе, – попросила она. – Постараемся вернуться не поздно.

Проводница вздрогнула.

– Что? Куда? Вагон-ресторан? Ой, не получится. Мне вот только что сообщили, – нервно передернула плечами проводница. – Умерла одна сотрудница. Именно в вагоне-ресторане. Он закрыт. Там уже полицейские работают. Вот так вот... Кстати, это та женщина, про которую вы спрашивали, – с подступающим подозрением взглянула она на Яну. – Люся.

– Какой кошмар! – ахнула Яна. – А что с ней?

– Пока не ясно. Упала. Свернула шею. Бегала все на своих каблуках. Но это всегда так и бывает... Надо же, а вы недавно про нее спрашивали, и вот... – приложила руку к груди проводница, словно ей не хватало воздуха, и отвернулась к темному окну.

Яна стояла ошарашенная и побледневшая. Валериан развернул ее за плечи и увел в купе.

– Что такое? Почему ты про нее спрашивала? И про кого ты спрашивала? Кто такая Люся? Что вообще происходит? Вот что ты зависла?.. – засыпал он ее вопросами.

– Видно, что ты не следователь. Столько вопросов и сразу! Следователь задает один вопрос и, пока не дождетя на него

ответа, к другому не переходит. И не частит, и без истерики!.. – со странным спокойствием проговорила Яна.

– О'кей, следователем не работал, – согласился с ней Валериан, нервно передергивая плечами. – Но что все-таки происходит? На тебе лица нет! Уже давно...

– Да не знаю я... Ерунда какая-то!

И Яна рассказала, что на перроне заметила женщину, которая заходила к ним в купе, случайно расспросила про нее проводницу и была удивлена, что работает она в вагоне-ресторане, к проводникам не имеет никакого отношения.

– Почему тогда заходила она к нам с такими вопросами? Я и удивилась. Ты называешь это «зависла». А в вагоне-ресторане, когда ты предложил туда пойти, я думала, что смогу ее об этом спросить. А тут такое! Именно эта Люся и умерла, – договорила Яна и посмотрела на него выжидательно.

Красивое, с правильными чертами и внимательными темными глазами лицо Валериана как бы вытянулось.

– Что? И ты удивился? Вот именно!.. Теперь не узнаем, что ей надо было, – вздохнула Яна. – Что-то и есть я перехотела. Давай спать? Утром уже в Питере будем.

Яна свернулась калачиком на полке и отвернулась от своего попутчика. Длинные волосы развязались и плавной волной скатились по спине вниз, свесились почти до пола.

Валериан встал, накрыл ее пледом и выключил свет, потом молча сел на свою полку и, подперев голову рукой, уставился в темное окно с мелькающими на скорости редкими

ОГОНЬКАМИ.

Глава третья

Снился Яне Карловне Цветковой очень хороший сон. Ей снился мужчина, которого она нашла через много лет своих метаний, через четыре брака и через стойкое ощущение, что ей лучше быть одной, что она никого не может сделать счастливым. Утолялась она мимолетными романами, пока не встретила его. Да, снился ей Мартин Романович Вейкин, бывший военный, бизнесмен из Санкт-Петербурга. Она впервые испугалась, что заболела, потому что без него ей даже просто дышать стало тяжело. Высокий, атлетичный, с прямой спиной и гордо посаженной головой. Открытое русское лицо с высокими скулами, прямым носом, ямочкой на подбородке и идеальной формой губ, которые Мартин иногда прятал под очаровательными усами. У него были густые темные, слегка выющиеся волосы с легким медным отливом. Кожа была белая с едва заметными милыми веснушками, каждую из которых Яна, кажется, помнила наизусть. Так тщательно она не знала географическую карту своей родины. Но самыми красивыми и притягательными были его потрясающие глаза. Темные, словно цвет крепко заваренного кофе, очень выразительные, с густыми и загнутыми вверх ресницами, напоминающими лучики солнца. Человек он был добрый, улыбчивый и отзывчивый на чужую беду. Еще Мартин был очень общительным и с феноменаль-

ной легкостью располагал к себе женщин. Казалось, они теряли голову от одного только взгляда на него, а уж пообщавшись, непременно влюблялись. Яна видела, как он подъехал на своем мотоцикле к светофору и остановился на красный свет. Она поспешила к нему.

– Мартин, подожди! Эй! Обернись! Это я – Яна!

Но ноги почему-то не слушались, а высокие каблуки вязли в какой-то жиже. Она кричала и кричала ему, но Мартин не слышал. Он уже несся вдаль на своем железном коне.

– Мартин!.. – кричала ему вдогонку Яна, с ужасом понимая, что завязла посередине проезжей части.

А на нее неотвратимо надвигался большой и мощный грузовик. Она зажмурилась, вскрикнула и...

– Яна! Яна, вставай.

Кто-то тряс ее за плечо, горячо дыша в лицо.

Она вздрогнула и открыла глаза.

– Валериан?

– Вроде больше никого не было в нашем купе, – ответил парень.

– Ты меня спас, – выдохнула она.

– Еще нет.

– В моем страшном сне. Я что, кричала? – обрадовалась Яна, что ее разбудили и вытащили из кошмара.

Так было всегда. Она пыталась догнать, достучаться до Мартина, обратить на себя его внимание, а он ускользал и оставлял ее одну. Для Яны это и был ее самый большой

страх.

– Я разбудил тебя, чтобы бежать, – сказал Валериан.

Сон окончательно отпустил ее.

– Куда? Мы в поезде. Да и зачем? У тебя обострение?..

– Ты, я смотрю, тоже следователем не работала... Яна, просто поверь. Я не поеду до Питера. Мы сказали это той умершей женщине. Она интересовалась, едем ли мы до конечного пункта, и мы подтвердили. Мы не знаем, сообщила она это кому или нет. На всякий случай надо сойти прямо сейчас. Тут, я узнал, в районе Колпина, будет техническая остановка. До Питера рукой подать, доберемся сами. Я не могу настаивать, если ты не пойдешь со мной, я один, – очень твердо заявил Валериан.

– Господи! Ты что? Бросить меня хочешь? Нет уж! Я с тобой!

– Собирайся прямо сейчас!

– Я не в армии, за две минуты не соберусь, – засуетилась Яна, быстро сбрасывая все видимые вещи в свой среднего размера чемодан на колесиках.

У Валериана была большая спортивная сумка на ремне через плечо.

– Идем. Стоим одиннадцать минут, – взял он и сумку, и чемодан.

– А проводница? Она ничего не заподозрит? Выпустит нас? – спросила Яна.

– Мы ведь не позже оплаченной станции, а раньше... толь-

ко в путь. Да и нет ее сейчас. Я ходил в туалет и слышал, как ее позвали в вагон-ресторан. Не знаю для чего. Поторопись!..

Сюрпризом для Яны стало то, что поезд стоял, но ступеньки и двери не были подготовлены к высадке.

– А? – растерялась она.

– Техническая остановка, – пояснил Валериан, чуть ли не каким-то кульбитом скатываясь вниз вместе со своей сумкой и увлекая чемодан Яны с собой.

Она осталась стоять с широко открытыми глазами над этой пропастью.

– Я ноги переломаю...

Яна сняла свои сабо на каблуках и кинула вниз. Валериан вскрикнул и выругался, хорошо, что не матом.

– Совсем, что ли? Поднимаю голову, а там каблучище такой – летит мне прямо в глаз! – пожаловался парень. – Хорошо, увернулся и в лоб попало. Вы, девушка, со всеми мужчинами так знакомитесь?

– Точно в голову, – вздохнула Яна. – На «вы» опять перешел, мужчинами моими заинтересовался... Какая тебе разница? Всякое бывало. Но мне не спуститься, это – факт.

– Я не прошу тебя ломать ноги, прыгай, я поймаю! – ответил Валериан.

– С ума сошел?! Я прыгну, от тебя ничего не останется! Или ты мне отомстить хочешь? За каблук?

– Не дури, Яна. Это я только с виду худой и хлипкий.

Я жилистый и сильный! Поймаю, доверься! – уговаривал ее Валериан.

«Нет-нет-нет!.. – думала Яна. – Что же я такая дура даже на старости лет? Человек мне в сыновья годится. Знать его не знаю... Что у него с психическим здоровьем? И я должна довериться и прыгнуть в эту бездну?»

И тут поезд со ступенчатым металлическим звуком дернулся, Яна еле удержалась, ухватившись за поручни.

– Ой, что это?! Куда?! – вскрикнула она.

– Поезд тронулся! Прыгай, Яна! Ну же! Давай! Умоляю! Скорее!.. – орал ей снизу Валериан.

У Яны всё поплыло перед глазами, в темноте внизу белое лицо Валериана превратилось в дрожащую бледную полосу, бегущую за ней, словно лицо с картины «Крик» кинулось вдогонку за своим голосом. Ее шатало и трясло. А поезд все набирал скорость.

– Яна, прыгай! Я тебя не брошу! Сейчас полезу назад, но это уже сложно!.. – последнее, что услышала Яна от своего напарника.

Только страх, что этого парня затянет под колеса, заставил Яну шагнуть в несущуюся внизу пустоту. А дальше – полет, ветер, удар обо что-то не очень твердое, затухающее вращение по неровной земле. Было и больно, и не больно. В ушах стоял шум стучащих колес, рядом мелькали руки и ноги, то и дело норовя попасть на рельсы. Голова Яны со спутанными волосами наконец-то остановилась на зеленой траве. Сверху

лежал Валериан и крепко держал ее в руках.

– Ты как? – спросил он, пронзая ее темным взглядом.

– Жива... Слезь с меня. Ой, у тебя кровь.

– Ничего страшного, поцарапался, – ответил Валериан, отпуская ее.

И тут Яна поняла, что он действительно обхватил ее, закрыв своим телом, и при падении повредился сам. А вот на ней не было ни царапинки.

Яна встала на нетвердые босые ноги. Валериан поднялся тоже. У него в кровь были разодраны локти и отчетливо выделялась шишка на лбу.

– Джинсы порвал, – отметила Яна.

– Так сейчас модно, – ответил он, выплевывая что-то изо рта.

– Где вещи? – огляделась Яна.

Она до сих пор не была уверена в том, что им нужно было так экстремально покидать поезд.

– Стой здесь, я принесу обувь и вещи. Ни шагу, а то поранишься!.. – сказал Валериан, усаживая Яну на какой-то пригорочек, и вскоре вернулся с вещами и красными сабо в руках.

– Золушка, туфельки надеть?

– Сама справлюсь. Тебе бы раны обработать...

– Обработаем еще, – отмахнулся парень.

– А ты молодец. Пообещал поймать и поймал!

– Не верила? – улыбнулся он.

– Если честно, не очень, – согласилась Яна.

– Ну, что? Пойдем? Выйдем на трассу, доедем до психушки...

– Прекрасный план! – хлопнула себя по коленкам Яна, вставая.

Сам Валериан понес и сумку, и чемодан Яны, проявляя себя как истинный джентльмен.

– Ты в купе кричала – Мартин? Это кто? – спросил Валериан, из-под упавшей челки взглянув на свою спутницу.

– Вот послала бы тебя, но не могу! Ты проявил свои лучшие качества. Мартин – это мужчина, которого я люблю, – ответила Яна.

– Твой муж? – уточнил парень.

– Не был он никогда моим мужем.

– Чего так?

– Так получилось, вернее, не получилось как-то... Нам все время что-то мешает.

– А он делал тебе предложение? – заинтересовался Валериан.

– И не раз. Я его слишком люблю, поэтому очень нервно на все реагирую. Не верю! По Станиславскому, – ответила Цветкова, переставляя свои длинные ноги.

– Во что не веришь? В его любовь? – уточнил Валериан.

– В его желание жениться на мне. Последний раз он сделал мне предложение, когда точно узнал, что я родила от него дочку.

Валериан споткнулся.

– Ты дочку родила?! Так спокойно говоришь!

– Что тебя так напрягает? Я – женщина, я способна рожать. Прикинь? Нет, я понимаю, что в таком-то возрасте можно было бы и остановиться, но это совершенно случайно вышло. Я не планировала, и вообще не знала, от кого забеременела. Что я точно знала, так это то, что не буду делать аборт, – буднично рассказывала Яна.

Глаза у Валериана все сильнее округлялись от удивления.

– Родила не известно от кого?!

– Слушай, парень, я не говорила, что не известно от кого! Я просто не знала, от кого! А это – разные вещи! Я оба раза была со своим любимым Мартином. Просто один раз нас с моим визави отравили чем-то наркотическим и, главное, в этом были галлюциногены. Я думала, что я с Мартином, а оказалось, что нет. Ну, а потом беременность... Ребенка ведь не убить, а с мечтой быть с Мартином опять пришлось распрощаться. Хоть он и не отказывался от меня. Тот, второй мужчина подделал документы по генетической экспертизе дочери на себя. Потом все выяснялось! – Яна махнула рукой. – Сложно все!..

– Да уж, – подтвердил парень, смотря ей в спину. – Хочется обратно запрыгнуть в поезд.

– Поздно! Ушел наш поезд. А мы с тобой не очень хорошие люди...

– Почему же? – поинтересовался Валериан, еле поспевая

за ней.

– А если эту Люсю того? Помогли ей упасть. А мы не смогли найти убийцу? Она же к нам приходила с вопросами, с которыми не должна была приходиться? Вдруг есть какая-то связь?

– Яна, именно поэтому, из-за этой возможной связи мы и покинули поезд столь необычным способом, – напомнил ей Валериан.

– А я и поддалась панике! – нахмурилась Яна. – Вместо того чтобы остаться, поговорить с людьми, с правоохранительными органами наконец. Помочь разобраться...

– Ты серьезно? Ну, да, твоя же мама – актриса. Тебе, случайно, с генами не передалось? В Агату Кристи решила поиграть?

– Еще как передалось! – оглянулась на него Цветкова. – Мне даже заслуженную давали, я имею в виду, артистку без специального образования! – похвасталась Яна, спотыкаясь, но Валериан поддержал ее за локоть.

– Так я имею честь беседовать с заслуженной артисткой России? Или Советского Союза?.. – засмеялся он.

– Сейчас в глаз получишь! Художника каждый обидеть может! Отказалась я. Министр, что с перепугу давал мне это звание, немножко в положении шантажа был. Боюсь, задобрить он меня хотел, что там, вместо запрещенного разврата, я выступала с цыганами.

Валериану даже ответить было нечего.

– Интересная у вас жизнь, Яна Карловна. Сладострастные министры, мама говорила – роман с настоящим чешским князем.

– А вот это, – остановилась Яна, переводя дыхание, – как говорится в известной телепередаче, уже совсем другая история. Он мне тоже подарил дочь, свою дочь, я удочерила ее и теперь без Насти себя не представляю.

– А сколько у тебя детей? Всего? – спросил парень.

– Трое. Взрослый сын, Настенька и Ева, – ответила Яна.

– А любишь ты только Мартина? – уточнил он.

– Как встретила – только его. Уже много лет, – подтвердила Цветкова. – Вот и дорога! Вышли... Ну, что? Едем сразу в психушку или что? Ночью они принимают? Или только в экстренном состоянии? Ты вон точно в крови весь, сойдешь за экстренного. А я со своей жалкой анорексией... К этому люди идут годами, что могло случиться этой ночью, что мне так приспичило?

Яна задумалась.

– Влюбилась в кого-то, а он велел срочно поправиться, – засмеялся Валериан.

Яна внимательно посмотрела на него.

– Ты знаешь, тебе очень не идет твое имя. Валериан... Кому такое в голову пришло?

– Ну, я уж точно в этом не виноват. А клиника, кстати, частная, дорогая, там хоть во сколько приходи. Плати деньги! Ты не смотри на меня так, плачу за обоих.

Яна рассмеялась.

– Я женщина богатая, особенно после того чертова наследства от чешского князя Карла Штольберга, будь оно неладно!..

– Почему? Я бы не отказался.

– Мартин тогда охладел ко мне, не захотел выглядеть так, будто делает мне предложение после того, как я получила это наследство. И еще этот чертов замок в придачу! Представляешь, они мне Настю не отдавали, думали, я борюсь за нее, потому что она – единственная наследница Штольбергов. Это же надо было такое придумать! Ребенок не знал своей матери, отец погиб... А я жила с Карлом какое-то время и с Евой. Он не отпускал меня, и под страхом, что я не увижу свою дочку, я жила в замке. Там Настя ко мне и привязалась. И я ее полюбила. Хорошо, что на суде и в опеке она все время говорила, что хочет быть только со мной.

– А как она тебя называет? – спросил Валериан.

– Мамой, конечно! Она родной матери совсем не знала. Да и не узнает теперь. Посадили ее на максимальный для женщины срок. Попытка убийства своего же бывшего мужа Карла Штольберга, который обладал какой-то неприкосновенностью, а это все пошло в отягощающее. Особенно то, что хотела убить отца своего ребенка. То есть нанести ребенку вред. Мало того, уже давно была лишена материнских прав на свою дочь, так как за несколько миллионов долларов, выплаченных ей Карлом, подписала все бумаги, отказную.

– Да он не женщину нашел, а какого-то монстра!.. – отозвался Валериан.

– Он ее использовал, никогда не любил. Нужен был наследник. Я наотрез отказалась и много лет отказывалась связываться с ним судьбу. В жизни бы не уехала из России! А еще соблюдать все эти этикетки, дресс-коды, церемонии... Жить в замке. И детей я больше не хотела. Вот Карл и нашел...

– И ты пришла к тому, чего не хотела, а по факту все равно стала многодетной матерью, – усмехнулся парень.

– Да! Жизнь – непредсказуемая штука. Проживешь вот свою... до моего возраста. Другие мысли придут, появятся опыт. Или изменится опыт... У тебя девушка-то есть? – спросила Яна.

– Знакомых много, а чтоб вот серьезно – нет.

– Почему? Молодые все такие красивые, свободные, интересные.

– Иногда чересчур свободные, а красивые все одинаково, – ответил Валериан. – Мне отец говорил, что женщин очень много, но найти надо одну, не похожую ни на кого, которую не захочешь терять, с кем, чтобы раз и навсегда. Такого не встретил.

Яна удивленно посмотрела на него.

– Клава – милая женщина с непростой судьбой, когда она родила мальчика, в театре ничего не говорила, ни с кем не встречалась, беременность скрывала. Роды для всех стали полной неожиданностью. Моя мама всегда была с твоей

в хороших отношениях, применила все свое актерское мастерство, из кожи вылезла, чтобы узнать, кто твой отец. Клава даже ей не сказала. Мне так интересно! Кто же он?

– Что тебе до меня? – улыбнулся Валериан. – Почему это так интересно?

– Интересно, с кем нахожусь рядом. Правду хочу знать, – пожала плечами Яна.

– Чего говорить? Обычный мужчина... Он был женат, моя мать была для него очередной, не совсем интересной интрижкой. Забеременела и поняла, что для нее это единственный шанс стать матерью. Отец был против. Но что он мог изменить? Потом немного и редко помогал нам. Общался со мной не часто, но я ему и за это благодарен. У меня претензий к отцу нет. Все, как от печки, исходит от самого момента их отношений. Короче, как началось, так и закончилось.

Валериан встал и удалился в легком тумане в сторону дороги, но весьма скоро помахал ей рукой, приглашая в «Тойоту» пойманного частника.

Глава четвертая

Яна с интересом исподтишка наблюдала за весьма импозантным, явно молодящимся доктором-психотерапевтом Даниилом Павловичем Якушевым. Лицо у него было холерным, с ровным загаром из дальних стран, волосы крашенные и уложенные гелем назад. Белый халат слепил белизной и аж похрустывал от своей накрахмаленности. А под халатом просматривался модный, дорогой костюм ярко-синего цвета, не очень идущего мужчине в годах. На ухоженных руках – золотые часы, дорогая золотая печатка с бриллиантом, который посверкивал, прямо сиял своей большой каратностью.

Принимал он их в роскошном кабинете частной психологической клиники. Да, кабинет поражал своей дороговизной и статусом. Он сразу говорил, что людям с тонким кошельком здесь делать нечего. Огромные антикварные дубовые шкафы с дверцами зеленоватого стекла, заставленные книгами по психиатрии и психологии, наборный паркет пола, сводчатый деревянный потолок в готическом стиле, кожаные диваны и кресла с высокими спинками, массивный стол красного дерева с выпуклой резьбой на тумбах и зеленым сукном столешницы, гармоничные итальянские светильники на потолке, на столе и бра на стенах.

Из обзорной лекции Яна и Валериан узнали, что многоопытный персонал клиники помогает всем и превраща-

ет каждодневное пребывание своих пациентов в самый расслабляющий и самый лучший отдых и одновременно лечение примерно за двадцать тысяч рублей в день. Лечение, конечно же, индивидуальное, прекрасное питание, всевозможные процедуры, сеансы индивидуальной и групповой терапии, если потребуется, гипноз.

– Пребывание у нас – минимум две недели. За это время оплата вносится сразу. Ну, и до бесконечности. Пока вам не станет лучше, – засмеялся психотерапевт. – А это, поверьте, наступает всегда! Наша клиника на хорошем счету.

– И что очень важно, вы соблюдаете врачебную тайну, не требуете никаких документов!.. – сказал Валериан.

– Да! Анонимность – наше кредо! Никаких постановок на учет, никаких имен, если человек этого не хочет. Нас интересует только ваше самочувствие и здоровье. Мы будем говорить с каждым по отдельности или вместе? Как вам комфортнее? – поинтересовался Даниил Павлович и по-наполеоновски сложил на груди холеные руки с маникюром.

– Комфортнее вместе, – ответила Яна, беря Валериана под руку и старательно не отвечая на его удивленный взглядом в ее сторону.

– Хорошо, – согласился Даниил Павлович и, деликатно помешкав, продолжил: – Я не спрашиваю, кем вы друг другу... приходите... Но начнем с...

– Дамы вперед! – улыбнулся Валериан.

– Спасибо, дорогой, – кивнула ему Яна. – С возрастом

в нас накапливаются определенные проблемы, заводятся тараканы в голове...

– Вы их ощущаете? – перебил доктор.

– Нет, я не совсем «ку-ку». Это все образно говоря, – пояснила Цветкова. – Вот стала присматриваться к себе, остро реагировать на каждую морщинку, ощупывать каждый сантиметр тела, особенно талии.

– Перестали кушать, – предположил Даниил Павлович.

– Именно! Аппетит пропал, или я стала думать и внушила себе, что он пропал. Иногда я вдруг наедалась до отвала и начинала ненавидеть себя.

– Вам становилось стыдно? Вы думали, что сразу же стали толстой и некрасивой? – вкрадчивым голоском поинтересовался Даниил Павлович.

– Доктор, вы читаете мои мысли! – воскликнула Яна, наивно и восторженно распахивая свои голубые глаза.

– Это моя работа... – скромно потупился доктор и как-то особенно ярко блеснул бриллиантом, наверное, для убедительности. – Давно вы так ведете себя? Вон как похудели! Хотя вы, конечно, этого не замечаете и считаете себя толстой...

– Прекратите, доктор! Я и вправду толстая, – глупо хихикнула Яна, стукнув двумя худыми коленками друг о друга. – Вообще-то, я была очень толстая, но вот за пять лет сбросила половину веса и не хочу останавливаться на достигнутом...

Яну уже несло, как Остапа. А ведь она всю жизнь была та-

кая, как сейчас, худенькая до прозрачности, как выразилась одна из актрис маминого театра.

– Странно, кожа не провисает, следов пластических операций не наблюдаю... – пробормотал доктор.

– Такой вот у меня организм! Генетика! – похвасталась Яна. – Но в последнее время я поняла, что слишком зациклена на своей внешности и слишком боюсь постареть. Так боюсь, что в глазах темнеет! Хочу не так сильно на это реагировать, не так бояться, что ли... Чтобы жить поспокойнее. А то доходит ведь до смешного!..

– Дорогая... Как к вам обращаться? – спросил доктор.

– Ой!.. Сейчас, сейчас – попробую скрыть свое имя. Пусть буду Яна! Яна Карловна Цветкова! – выпалила она.

– Сильно замаскировались! – поддержал ее психотерапевт также весело. – Более не подходящих друг другу имени, отчества и фамилии не придумаешь.

Тут уже к его смеху присоединился Валериан. Но у Яны ни один мускул не дрогнул на лице.

– Вам, наверное, и мужчины нравятся помоложе? – продолжал допытываться психотерапевт. – Молодые тела! Зачем эти дряблые старцы и нудные ровесники? Я вас очень даже понимаю. Женщина выглядит значительно моложе, у нее просто глаза горят, когда с ней рядом молодой мужчина. В этом нет ничего постыдного, – доверительно проговорил Даниил Павлович, кладя перед ними листок с номером карты Сбербанка и внушительной суммой – стоимостью прожи-

вания и лечения на двоих за две недели.

– Ладно! Вы нас рассекретили! – хлопнул себя по коленке Валериан, доставая телефон и набирая данные на оплату в своем мобильном кошельке. – Мы любовники! Да! Общался я со сверстницами, общался, а тут встретил Яну... И понял, что ничего-то в этой жизни не знаю. Она такая манкая, загадочная, опытная. Кто не обратит на нее внимания? Женщина-мечта! Гетера! Я и влюбился! Наплевать на разницу в возрасте! Вот только она жутко меня ревнует! Не могу на кого-нибудь просто на улице посмотреть. Не дай Бог на молодую девчонку! Сразу истерика!.. Упреки, крики, скандал... Ну, я ей назло и брякнул, что она толстая корова. Пошутил, понимаете? Неудачно... А она есть почти перестала... Мне не донести теперь, что я просто ляпнул, не подумавши. Не реагирует.

– И вас теперь мучает чувство вины? – участливо склонил голову психотерапевт, косясь на свой телефон последней модели, видимо, чтобы убедиться, что нужная сумма от Валериана поступила.

– Не только... Меня захлестывает какая-то тревожность! Такое, знаете, чувство, будто меня преследуют, следят за мной. И паника!.. Совершенно бесконтрольная...

– Да, и иногда он в этой панике становится слаб в постели. А для меня это важно! Я начинаю думать, что это со мной что-то не так, что он меня больше не хочет, – подхватила Яна и капризно надула губы, видя, как Валериан взглянул на нее.

«Один – один!..» – подумала Цветкова.

– Ну, что ж... Мне ваши проблемы знакомы, в них нет ничего особенного, это абсолютно наш профиль. Мы вам поможем. А вы не переживайте и не нервничайте. Вы очень гармоничная пара! Сейчас вас отведут в вашу палату, отдохайте. Завтра начнется реабилитация.

Доктор нажал на какую-то кнопку, и появилась молоденькая медсестричка в коротком халатике и пригласила следовать за ней.

– Надеюсь, не она будет заниматься моим парнем на лечении? – не выходила Яна из образа.

– У нас персонал высокопрофессионален. Никто никогда не позволит себе ничего личного с пациентами. За это увольнение, – успокоил ее Даниил Павлович.

– Подумаешь, наказание! – фыркнула Яна.

– У нас очень хорошие зарплаты и работники держатся за свои места, – пояснил Даниил Павлович.

– Если она навиляет на свою упругую задницу моего парня, вообще работать не будет. Он же мало что молодой и красивый, он – богатый! Не хочу, чтобы им занимались такие медсестры!

– Дорогая, идем. Пожалуйста!.. – взял ее под руку Валериан и вытащил из кабинета главного врача.

Они оказались в палате, которая выглядела как люксовый номер солидного отеля. Большие окна с балконной дверью

и каскадным текстилем – занавесками фисташкового цвета. Такого же цвета диван перед журнальным столиком, два кресла, двуспальная кровать с фигурным изголовьем цвета слоновой кости с золотом, шкаф, трюмо, ванная комната со всеми наворотами.

– Прикольно! – с нарочитой растерянностью произнесла Яна. – Значит, я жирная корова?

– А я слаб в постели? – уточнил Валериан.

– И зачем ты сделал нас парой? – спросила Яна.

– А ты хотела бы жить в женском отделении, а я чтобы в мужском? Ты ведь должна присматривать за мной, – улыбнулся он.

– Ничего я не должна. Хотя, да... Маме обещала. Но ложиться с тобой в одну кровать точно не обещала!

– Не волнуйся, я расположусь на диване. Как же ты убедительна! Такая ревность!.. Даже я поверил. Думаю, что наш эскулап тоже, – сказал Валериан.

– Старалась. Неужели я и правда выгляжу как анорексичка? – спросила Яна, ощупывая свои ребра. – Всегда такой была.

– Выглядишь ты хорошо, если не сказать – сногшибательно. А наш-то эскулап за любую информацию зацепится, лишь бы заманить в свою клинику. По такой цене! Чур, я в душ первый. Я быстро.

– Ладно, – стащила Яна резинку с волос, распуская волосы. – Я люблю долго в ванной полежать, понежиться в пене.

Самый лучший релакс!..

Глава пятая

Валериан с интересом рассматривал Яну. Лучи солнца щедро заливали их комнату. Она сидела напротив него в кресле абсолютно без косметики, в белом махровом халате.

Уже знакомая медсестра в коротком белом халатике на сервировочном столике прикатила им завтрак. На журнальный столик перед Валерианом перекочевали бутерброды с красной икрой, яичница с беконом и томатами, запеченная груша с маскарпоне, свежавыжатый апельсиновый сок. И все это было в одном экземпляре. Затем медсестра с самым прискорбным выражением лица повернулась к Яне.

– Мы знаем ваше отвращение к еде, нежелание принимать пищу, но вы должны сделать над собой усилие и выпить этот концентрированный белковый коктейль, созданный по нашей диетической технологии. Белок разработан в молекулы и даже такому привередливому желудку, как ваш, будет легко его усвоить. Не сможете выпить все, выпейте, сколько сможете. Если, простите, вас вырвет, нужно сообщить об этом лечащему врачу, Даниилу Павловичу.

Медсестра с бейджем «Лиза» на груди поставила перед Яной бутылочку, словно от детского питания, с делениями на двести миллилитров, наполненную с светло-серой жидкостью, от одного вида которой начинало подташнивать.

– Приятного аппетита, – сказала Лиза и вышла.

Валериан прыснул со смеху.

– Видела бы ты себя! Приятного аппетита!.. – передразнил он медсестру.

Яна сфокусировала свой взгляд на его лице.

– Значит, анорексичкой прикинься? Это же ты предложил? Отличная идея! – Она взяла бутерброд с икрой и целиком отправила его в рот. – Вот ты и пей эту муть! Я на таком питании долго не протяну!

– Ладно, здесь буфет есть, буду покупать тебе, что пожелаешь, – сказал Валериан, с удивлением наблюдая, как активно она уминает его завтрак. – Ты так много ешь?

– Это еще мало!.. – прожевав, отозвалась Яна.

– Чего же ты такая тощая? – удивился парень.

– Хороший обмен веществ! Активная я! Умственно и физически! – Яна уплетала уже яичницу. – А ты иди в буфет! Прикупи себе чего-нибудь.

– Не сразу же! Надо какое-то время выждать для приличия, – ответил Валериан.

– Как знаешь... – высосала Яна сок через соломинку и отвалилась от стола.

Валериан продолжал с интересом рассматривать ее. Все тарелки были пустые. Это ж с какой скоростью она все съела!..

– Мне не нравится твой взгляд, – сказала Яна. – Обиделся, что ли? Вот тут тебе высокодисперсный питательный белок есть. Он быстро усвоится, – икнула она. – Ой! Сока мало!

Зажали, гады!

– Ты вчера в ванне лежала часа два и сегодня с утра... – прищурил свои черные глаза Валериан.

– И что? Ты следишь за мной? Я же говорила, что люблю это дело, – ответила Яна.

– Я-то не слежу, а вот камера наблюдения в ванной есть, и если ты там плескалась голенькая, то кто-то мог полюбоваться твоими костями, – сказал Валериан.

Яна внимательно посмотрела на него, ойкнула и закрыла грудь руками, словно прямо сейчас была голая.

– Не врешь?.. Господи, как же так?! Это же ванная и туалет! Кому надо?! – запаниковала она. – Точно не шутишь? Хочешь, отрыгну твою яичницу?

– Успокойся... Сам в шоке! Я не вру. Вчера, когда до тебя пошел в ванную, заметил. Камера хорошо замаскирована. Кстати, направлена не на унитаз, только на ванну. И не переживай, я заклеил ее жвачкой. Тебя во всей твоей нагой красоте никто не видел.

Яна с облегчением выдохнула.

– Но это же беспредел! – подумав, возмутилась она. – Как смеют они наблюдать за человеком в ванне? Это не нарушение всех прав? Никто об этом не предупреждал!

– Успокойся. Думаю, что это незаконно. А ты сейчас пойдешь Даниилу Павловичу предъяву предъявить? Может, лучше не нарываться?

– А если они отлепят жвачку? – вопросом на вопрос от-

ветила Яна.

– Не отлепят. Поймут, что рассекретили, и на скандал на-
рывать не станут, – вполне разумно рассудил Валериан.

– Покажешь, где это? – спросила Яна.

– Не бойся, перед каждым твоим походом в ванную буду
проверять.

В этот момент в их палату вернулась медсестра Лиза и по-
смотрела на стол. Потом обратилась к Яне:

– Все-таки вы не смогли себя пересилить и поесть?

Яна посмотрела на свою бутылку.

– Знаете, как-то... Может, потом? – спросила она почти
виновато.

– Это скоропортящийся коктейль. К сожалению, именно
эту смесь пить больше уже нельзя. И я должна буду сообщить
об этом Даниилу Павловичу.

– Да как скажете!.. – раздраженно ответила Яна.

– А вы молодец! – улыбнулась Лиза Валериану. – Аппетит
у вас замечательный!..

– Не жалею, – кивнул он.

– Сейчас для вас начнется индивидуальная программа ле-
чения...

– Стоп! Подкатываешь к моему парню? Хочешь увести?
Нет уж! Мы вместе! Живем вместе, программа у нас одна
на двоих!

– У вас разные диагнозы и программы оздоровления тоже
разные. Не я их составляла, не ко мне вопросы. Вот бассейн

у вас общий, можете пойти туда. Секундочку. Извините, мне звонят. Да? Хорошо. Извините, но вас ожидает Даниил Павлович, не знаю, по какому вопросу. – Похоже, Лиза искренне недоумевала. – Заодно поговорите с ним о ваших предпочтениях по совместному лечению.

Всё тот же кабинет, тот же лощеный врач, вот только взгляд его стал не таким приветливым, настороженным, если не сказать злым.

– Присаживайтесь, дорогая моя пара...

Даже в его словах сквозило холодком.

Он внимательно осмотрел Яну и Валериана и вкрадчивым голосом проговорил:

– Я бы хотел знать, что вы здесь делаете? Нет, про меня можно разное подумать. Частные клиники, только деньги выколачивают, сочиняют диагнозы для того же выкачивания денег и так далее. Но диплом у меня не купленный, я двадцать лет оттрубил в государственной психушке, прежде чем открыть свою клинику. Всякого насмотрелся!.. И вот должен я вам сказать, что вы оба нуждаетесь в психиатрической помощи так же, как и я, то есть никак.

– Это вы подслушали или подсмотрели в свои камеры? – сузила глаза Яна. – Одну мы нашли в ванной! В ванной!.. Там люди моются, раздеваются догола!.. Может, и в комнате, то есть палате, они есть? И прослушка тоже? Это чтобы корректировать лечение? С благими намерениями?..

Даниил Павлович уж побагровел.

– Мне не надо никакой прослушки, чтобы понять, что вы, раз, – не любовники, и у вас нет друг к другу эротического интереса, два, – вы не родственники, три, – никакая вы не анорексичка, все у вас в жизни хорошо, вы полностью состоялись и как женщина, и как мать. И уж с мужчинами у вас никаких проблем никогда не было. Может, только их количество не устраивало... У вас, Валериан, никаких панических атак нет и не было, вы даже не знаете, что это такое. – Даниил Павлович внезапно схватил его за запястье. – В минуту опасности у всех нормальных людей пульс учащается, а вот у вас наоборот – брадикардия! Пульс менее шестидесяти сокращений в минуту. Это только у хорошо тренированных спортсменов и специально обученных людей встречается. И имя Валериан вам совсем не идет.

Парень вырвал у него свою руку.

– Спортсмен я, ага, шахматист.

– Не думаю, для шахматиста логики маловато. Думали, что я всю эту чушь проглочу? От кого скрываемся? Надо пересидеть в психушке? Не вопрос! Только цена вопроса иная и полная гарантия того, что моя клиника не всплывет ни в одной сводке. Тем более полицейской!..

– Зачем вам лишние знания? От чего? От кого? Надо пересидеть две недели, нас все устраивает, – ответил Валериан и посмотрел на протягиваемую ему бумагу с номером карты. – Не надо, я запомнил.

– Шестнадцать цифр? – удивился психотерапевт.

– Память хорошая. И ваши пятьсот тысяч уже улетели к вам. Мы можем спокойно идти?

– Можете, но аккуратно... – тут же смягчился Даниил Павлович. – Таблетки вам приносить будут, прячьте их куда-нибудь. За две недели, надеюсь, вы решите свои проблемы и свалите отсюда. Seriously, мне неприятности не нужны!..

– Проблем не будет, – встал Валериан, поднимая за собой слегка шокированную Яну.

Они вышли в коридор.

– Иди в палату, я скоро, – шепнул он ей на ухо.

Его «скоро» продлилось почти час. Яна успела принять душ и переодеться в джинсовое платье выбелено-голубого цвета со стразами – по фигуре.

– Пойдем перекусим? – предложил Валериан.

– В буфет? Бедный мальчик проголодался. Я объела тебя? Идем. Я тоже, кстати, взяла бы десерт. Сладкое люблю! Наш босс нас прикроет? – подмигнула ему Яна.

Но Валериан почему-то не разделял ее оптимизма.

– Вряд ли. Тут недалеко есть кафе, сказали, неплохое. Особенно хорош кофе, – ответил Валериан, которому еще в поезде Яна говорила, что хочет кофе.

– Нас выпустят за территорию? – уточнила она.

– Денежные знаки, – с виноватой улыбкой проговорил Валериан, – и расположение Лизы делают свое дело.

Глава шестая

Кафешка-кондитерская, куда привел Яну Валериан, на самом деле оказалась очень уютной. Витрина изобиловала разнообразными десертами.

– Когда не знаешь, что выбрать, бери классику, – посоветовал Валериан.

– И то верно! Наполеон мне и сметанник с черной смородиной! – заказала Яна.

Себе Валериан заказал два классических эклера с белым кремом и белой помадкой сверху. Яне – кофе, себе – чай.

– Ты так скоро разоришься, соришь деньгами направо и налево. И много с тебя Лиза взяла за наш выгул? – спросила Цветкова.

– Вступлю с ней в интимные отношения, будет бесплатно, – ответил парень. – Она нам еще пригодится.

– А хочется вступать-то? – ехидно спросила Яна.

– Приятное с полезным... Иногда это называют гормонами, – ответил Валериан.

– Понятно. Очень хорошо, что мы сейчас не в этой элитной психушке. После обнаружения видеонаблюдения не очень-то хочется беседовать там на серьезные темы. Вдруг и правда подслушивают? – сказала Яна.

– А разговор будет серьезный? – подпер свое симпатичное лицо руками Валериан.

Яна сняла кусочек кремовой верхушки с пирожного и облизала палец.

– Кто ты? – спросила она.

– В смысле? – вздрогнул парень.

– Кто ты, Валериан? Ты точно не сын тети Клавы! Так вот я тебя и спрашиваю: кто ты? У нас с тобой нет сексуального притяжения, как нам уже пояснил психотерапевт, очень сильно любящий денежные средства, готовый пойти даже на должностное преступление. Скрыть, возможно, преступников от преследователей. То есть за бабло положить в психушку совершенно здоровых людей. Но сейчас не об этом. Ты-то кто? – допрашивала его Яна.

– Сын Клавдии. Я тебя помню, ты всегда появлялась в театре неожиданно, заполняя собой все пространство. Красивая, яркая, все так радовались, хотели, чтобы ты бросила свою учебу и стоматологию и пришла к ним в труппу. А что я? Я был тогда еще маленький. Ты не обращала на меня никакого внимания. Я смотрел на тебя как на голливудскую диву, как на мечту. И думал тогда, что тоже хочу уехать в Москву из этой провинциальной дыры – за своим счастьем и судьбой. А один раз ты угостила меня длинным, вкусным леденцом на палочке... Я был так счастлив!.. – как-то чересчур бодро отбарабанил Валериан, будто заранее подготовленный и выученный текст.

Яна откинулась на спинку стула и хаотично, на скорую руку заплела себе неровную косу.

– Я, конечно, не молода. И меня можно заподозрить в ма-
разме... Неужели? Надеюсь, что нет. Конечно, никакой феей
я не была, от театра меня тошнило с детства, и даже в ред-
кие приезды в свой родной город я так туда не заваливалась.
Встречалась с матерью дома или в ресторане. И уж точно
я никого бы не стала угощать длинным леденцом на палочке.
Ненавижу эти кустарные конфеты!.. Сама никогда в жизни
не сосала и другим не давала. Да и где бы я их взяла? Ото-
рвала бы нос у Буратино и заставила бедного мальчишку со-
сать деревяшку? – Яна вздохнула. – Прокол твой. И не пер-
вый! Но даже это можно было бы списать на то, что прошло
много времени, что я просто не помню...

– Так и есть! – вклинился Валериан.

– И было бы так, если б я не помнила, как выглядит на-
стоящий Валериан, и не общалась бы с ним...

– Когда это было? – явно занервничал парень.

– Год назад, – сухо ответила Цветкова. – Когда я выта-
щила его из настоящей психиатрической клиники после ше-
сти попыток самоубийства из-за того, что много лет он чув-
ствовал себя девочкой и не находил ни у кого поддержки.
Валериан прошел все мыслимые и немыслимые экспертизы,
консилиумы и обследования. Все они на сто процентов под-
твердили, что по мозгу этот человек – абсолютная женщина,
что ненавидит свое тело, которое не совпадает с ее мысля-
ми. И тогда я заплатила круглую сумму за операцию по пе-
ремене пола Валериана в швейцарской клинике. Операция

прошла успешно, и в мире на одну счастливую женщину стало больше. И вот смотрю я на тебя и думаю: долго ты еще врать-то будешь? Или тебе истинное фото Валериана показать? Об этом ни его мать, ни моя мать не знают. С этой вот тайной живу я одна. И это – вторая твоя ошибка.

Валериан обхватил голову руками.

– Черт, черт, черт!.. И как давно ты знаешь, что я не я?

– Ты еще и тупой, что ли? Я же сказала, что год назад у тебя сиськи выросли до третьего размера. Я прекрасно знала Валериана до и после операции. Он обратился ко мне за помощью! Что ты – не он, что ты – самозванец, я знала с первого момента, – ответила Яна.

Парень ошарашенно посмотрел на нее.

– Ты знала, что я не я, предполагала, что я преступник, мошенник... И поехала со мной в вагоне СВ в Питер?! Выпрыгнула ко мне в объятия с движущегося поезда, рискуя поломаться, заселилась в частную психушку... Просто так?! – воскликнул он.

– Так вот и я об этом! Сколько мне нужно еще рисковать собой, прежде чем ты скажешь правду?

– Ты не ответила!.. Если ты знала, что все не так, зачем со мной поехала?

– Во-первых, тебя рекомендовала мне моя мать. Возможно, ты и ее обманул, но тогда мне надо бы выяснить насколько. Не угрожает ли что моей матери? Уж она-то настоящего Валериана видела и знает как облупленного. Не знает только,

что он теперь – Валерия, Лера. Он и поплотнее тебя будет, и ниже на полголовы. И глаза у него светлее, светло-карие с зеленцой. И волосы прямее, чем у тебя. Ты пойми, я двенадцать лет занималась рисованием, в том числе творила и портреты. У меня фотографическая память. Да, мальчика Валериана я видела не часто и мельком, но этого было достаточно, чтобы запомнить его лицо навсегда. Ну, а уже потом, в Москве, он нашел меня сам и попросил помочь со своей не совсем простой и часто осуждаемой у нас проблемой. Во-первых, он знал, что я не бедная, во-вторых, знал, что у меня есть связи, в том числе и в медицине, в-третьих, что живу я в Москве и всегда готова помочь всем знакомым из своего Волжска. Ну, так кто ты? – спросила Яна, совершенно серьезно глядя на парня холодными, большими, голубыми глазами.

– Поразительно!.. Думал, блондинки намного тупее. Да и... Это как надо было притворяться или играть, что я ни разу не почувствовал, что ты знаешь... Короче, что я не Валериан. Ты совсем безбашенная? Или такая смелая?

– Я – это я. Кстати, совсем не смелая, – ответила Яна, не отводя вопрошающего взгляда.

– Меня зовут Петр Мартинович Вейкин. Согласись, как и у тебя, самое неподходящее сочетание имени, фамилии и отчества. Да, я сын Мартина, твоего, как ты выразилась, любимого человека. Вот так вот! Как говорится, познакомились, – развел парень руками. – Наверное, это должно было

произойти как-то по-другому.

– Так вот ты какой, Петр. Конечно, я знала, что у Мартина есть взрослый сын. Ты родился, когда ему было двадцать лет. Да, я хотела с тобой познакомиться... действительно, не так... Для чего все эти титанические сложности? Мы же в Питере? Можем встретиться с твоим отцом.

– Не получится, – вздохнул Петр. – Отца нет. Он уехал на войну.

– Как на войну? – воскликнула Яна. – Он же... Он давно уже не военный.

– Он очень опытный человек в сфере военной разведки и вообще в военной сфере. Я думаю, весь его бизнес был не то чтобы прикрытием, но чем-то вроде того. Вряд ли отец окончательно ушел из дела своей жизни. Просто не говорил об этом, не афишировал. Служба сложная, засекреченная. Ты знаешь, например, что его пытали?

Яна думала о своем, так что несколько рассеянно посмотрела на парня.

– Я? Да... Знала, что он был в плену.

– У отца столько наград!.. Он о них никогда не говорит, то ли не любит хвастаться, то ли вспоминать не хочет. А сейчас очень тяжелая ситуация. Он пошел добровольно. А может, его и попросили. Думаю, задание будет тяжелым...

– Как тяжелым?! А я?! Почему он не позвонил мне? Не приехал?! Не попрощался?!

Слезы навернулись на глаза.

– Именно этого отец и боялся. Сказал, что не выдержит твоих эмоций. Просил передать, что любит тебя и всегда любил, со дня вашей первой встречи. Так вот и сказал...

Слезы все-таки полились из глаз Яны.

– Где он? С ним можно связаться? Я хочу ему кое-что сказать, хочу слышать его!

– Связи с ним нет. Сказал, если выживет, сам объявится, – ответил Петр.

– Если выживет? – Естественно, Яна зацепилась только за это словосочетание. – И ты отпустил его?!

– Странная ты. Что я мог сделать? Драться с ним? Так он бы победил. Кто бы его удержал? Он попросил меня о двух вещах. Даже о трех, но третье я уже не сдержал. Это держать все в тайне. Ты меня рассекретила.

– А две другие вещи? – сквозь слезы спросила Яна.

– Если с ним что случится, то присмотреть за тобой и моими сестрами. Он и Еву, и Настю считает своими дочками. Потому что у Насти нет отца. Он хотел им быть и для нее тоже. Так и сказал. Чтобы я все время был рядом и вот знал, что есть родная кровь – сестры.

Яна вынула живые цветы из вазочки, что стояли на каждом столике, намочила салфетку и приложила ее к своему лбу.

– Странный человек твой отец. Этот пункт тебе не придется выполнять. Нет, за девочками присмотри, конечно. А вот за мной не придется, я без Мартина жить не смогу. Как он

мог? Господи! А что еще? – спросила она.

– Последнее... Отец отдал мне флешку и сказал, что информация на ней сродни атомной бомбе. Я не стал его спрашивать, что там. Все равно не ответил бы. Даже проверять не стал. Там наверняка все сильно запаролено, зашифровано. Я не интересовался, как эта информация попала к нему в руки. Отец не сказал бы. Просто я укрепился в мысли, что он и не бросал до конца свое изначальное дело. Он – герой. Так вот, отец сказал, что я должен сделать все, чтобы сберечь эту информацию. Я не говорил о ней никому.

– Не легче ли отнести ее в полицию или ФСБ? – спросила Яна.

– Вот как раз этого он мне не велел делать ни в коем случае! Отец сказал, чтобы я передал флешку одному-единственному человеку, и дал его данные.

– Мне, что ли! – испугалась Яна, которая совершенно не разбиралась в технике, в компьютерах и уж тем более в шифровании.

Петр рассмеялся.

– Прикольная ты! Ну, нет, конечно. Он бы тебя никогда ни во что не впутал! Он назвал мне фамилию, имя, отчество этого человека, его телефон, не поясняя, кто он, что он. Строго-настрога всю информацию нужно отдать только ему, только он поможет. Я сразу же стал его искать.

– И?! – поторопила его Яна.

– И не нашел...

– Как его зовут? Некоторых знакомых Мартина я знала. Или конкурс на самые несочетаемые имя, отчество и фамилию продолжается? – спросила Яна.

– Нет, с этим как раз очень даже... Иван Георгиевич Куликов, – сказал Петр, с надеждой смотря на Яну.

– Нет, не знаю такого, – вздохнула она. – Наверное, какой-то засекреченный.

– Я его нашел. С трудом!.. Проживает в Санкт-Петербурге на набережной Фонтанки. Ивану Георгиевичу сорок лет, не женат и никогда женат не был, детей нет, близких родственников тоже. Почти двадцать последних лет живет совершенно один. Вежлив, спокоен, доброжелателен... Это уже со слов его соседей, к которым пришлось обратиться, потому что квартира Ивана Георгиевича пуста. Я три дня там сидел, караулил. Соседи подтвердили, что не видели своего тихого культурного соседа недели две. А кто-то и месяц.

– Месяц? – переспросила Яна. – Хотя при таком неброском образе жизни... Не сразу ихватишься.

– Вот и самая активная соседка Ивана Георгиевича сказала, что это не похоже на ее соседа. Он мог незаметно исчезнуть на дачу, ну, на недельку... Не больше! Раза два уезжал на большее время, но всегда оставлял ей ключи от квартиры, чтобы цветы поливала. Любит он фиалки и прочие цветочки, которые цветут. За такими цветами особый уход требуется.

– Получается, в этот раз наплевал Иван Георгиевич на свои цветочки? – спросила Яна. – Настолько быстро бе-

жал?

– Не знаю, – ответил Петр.

– Может быть, вам мороженого? – прервал их беседу официант. – Оно у нас домашнее, собственного производства из экологически чистых продуктов.

– Шоколадное, – ответила Яна.

А вот Петр отрицательно покачал головой.

– Не хочу сладкого. Перебор.

– Самое главное, что исчез твой Иван Георгиевич именно тогда, когда он понадобился тебе, или Мартину. Или вам обоим, – сказала Яна. – А это подразумевает, что и он, и Мартин могли попасть в передрагу. Почему-то Мартин сам не смог ему флешку передать... И почему в полицию нельзя?

– Кто ж знает?.. – ответил Петр. – Я, конечно, не сидел, сложа руки, приложил определенные усилия. С помощью компьютера и моего школьного приятеля, который служит следователем в органах, по геолокации узнал, где сейчас находится телефон этого человека. Естественно, телефон не отвечает. Решил найти его сам.

– И где? – спросила Яна.

– В нашей с тобой частной психушке, – огорошил ее Петр. – И не спрашивай. Ошибки быть не может. Там такие спецы смотрели!.. Я, конечно, не сказал, зачем мне этот Иван Георгиевич нужен. Все было неофициально.

– И ты решил попасть сюда и разведать на месте? – спросила Яна.

– Отец просил, я обещал. Сделаю все, чтобы выполнить это задание. Еще очень сильно просил присмотреть за тобой.

– Я что – животное? Присматривать за мной!.. – раздраженно буркнула Яна.

– Отец сказал, что ты постоянно во что-нибудь вляпываешься, что тебе все время нужна помощь и я должен быть рядом.

– И ты решил совместить приятное с полезным? И меня, и психушку?.. – догадалась Яна. – А моя мама...

– Оказалась очень понятливой и самой приятной женщиной на свете, – улыбаясь, закончил за нее Петр.

– И как ты ее уломал? – спросила Яна.

– Валентина Петровна так обрадовалась, когда узнала, что я сын Мартина!.. А уж как восторженно отзывалась о моем отце! Если вкратце, то этот следователь лучшее, что случилось в твоей жизни. Он может тебя терпеть и выдержать. И кстати, извинилась за то, что ее дочь много лет треплет нервы моему отцу, – сказал парень.

– Узнаю мамочку!.. – кивнула Яна.

– Я сказал, что хотел бы с тобой познакомиться и быть какое-то время рядом, и еще мне очень надо попасть в закрытую частную клинику. Она и посоветовала, как это сделать. Так вот мы тебя и разыграли, мол, ты со мной в клинику ляжешь. Я до последнего не верил, что все получится. Но мой отец, видимо, был прав. Ты не просто вляпываешься в неприятности, ты сама ищешь их, находишь и с ра-

достью идешь навстречу. Очень русское качество: создавать себе трудности, чтобы потом мучительно и радостно преодолевать их. Я ведь думал ты из сочувствия к бедному, не совсем здоровому юноше Валериану согласилась. Но с учетом полученной от тебя информации... Ты знала, что я не Валериан! И пошла на все это из-за любопытства. Это уже страшно! Нельзя пускаться на такое безрассудство!..

– Еще один будет мне морали читать! – всплеснула руками Яна. – Но мама-то моя какова! Актриса, во всем, конечно, актриса! От кончиков пальцев до корней волос! В свое время она не поверила в мой художественный талант. Я ведь двенадцать лет рисовала, мечтала стать художником! А мама твердила, что художница или актриса – очень ветреные, несерьезные специальности, что надо выбирать нечто фундаментальное. Например, быть врачом. А то, что у меня абсолютная зрительная память, ей до сих пор невдомек. Я же портрет любого человека по памяти написать могу. Мать никогда этого не ценила. Так что просчитались вы! – показала ему язык Яна.

– Я не знаю, что сделает со мной отец, если я потеряю эту флешку. Чувствую, она ему очень дорога. Но я четко понял, что если не защищу тебя, он мне точно никогда этого не простит. Это будет для него намного хуже потери флешки.

– Вопрос спорный. Раз он со мной даже не попрощался...

– Встретитесь, если выживет, сама спросишь почему, – передернул плечами Петр.

– Хватит мне тут это твое «если выживет»! – вскрикнула Яна. – Если выживет и вернется со своей наглой улыбочкой и бесами в глазах, я сама его убью! Мне еще и отсрочку дадут, войдут в мое нервное состояние. Потом, я мать троих детей...

– Я тебе почти верю. Можешь и убить, – улыбнулся Петр.

– Официант! – закричала Яна. – Принесите нам шампанского!

– Я не пью... – завел было свою шарманку Петр.

– Выпьешь, – поставила точку Яна. – И пусть меня потом поругает твой папа. Что я тебя спаиваю. Только бы вернуться!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.